

УДК: 811.161.1'255.2:821.161.1

Гаухар А. ХАМИДУЛЛАЕВА,

PhD, и.о. доцента кафедры русского языкознания Чирчикского государственного педагогического университета, Чирчик, Узбекистан

E-mail: g.xamidullayeva@cspu.uz, ORCID: 0009-0009-8670-4845

На основе рецензии Э.Халиковой, PhD ЧГПУ

NON-EQUIVALENT VOCABULARY AND LACUNAE IN THE UZBEK TRANSLATIONS OF F.M. DOSTOEVSKY (BASED ON THE TRANSLATIONS BY I. GAFUROV)

Annotation

The article distinguishes between non-equivalent vocabulary and lacuna as applied to the literary text and identifies the zones of untranslatability in the Uzbek versions of F.M. Dostoevsky's novels produced by I. Gafurov. The title of a novel is shown to be the minimal context in which lacunarity appears in its purest form: a comparison of six titles yields four types of translational transformation – calquing, functional substitution, obligatory explicitation and concretisation. Six zones of lacunarity are described; it is argued that in Dostoevsky lacunarity is concentrated in the psychological and religious strata of the vocabulary, that is, in the ideological core of the work.

Keywords: non-equivalent vocabulary, lacuna, realia, literary translation, F.M. Dostoevsky, I. Gafurov, Russian-Uzbek language contacts, cultural linguistics, title.

F.M. DOSTOYEVSKIY ASARLARINING O'ZBEKCHA TARJIMALARIDA EKVIVALENTSIZ LEKSIKA VA LAKUNALAR (I. G'AFUROV TARJIMALARI MATERIALI ASOSIDA)

Annotatsiya

Maqolada badiiy matnga nisbatan ekvivalentsiz leksika va lakuna tushunchalari farqlanadi hamda I. G'afurov tarjimasidagi F.M. Dostoyevskiy romanlari materialida tarjima qilinishi qiyin bo'lgan sohalar aniqlanadi. Roman sarlavhasi lakunarlik eng sof holda namoyon bo'ladigan eng kichik kontekst ekanligi ko'rsatiladi: olti sarlavhani qiyoslash tarjimaviy o'zgartirishning to'rt turini – kalkalash, funksional almashtirish, majburiy eksplikatsiya va konkretlashtirishni ajratishga imkon beradi. Lakunarlikning olti sohasi tavsiflanadi hamda Dostoyevskiyda u psixologik va diniy leksik qatlamda, ya'ni asarning g'oyaviy o'zagida to'planishi asoslanadi.

Kalit so'zlar: ekvivalentsiz leksika, lakuna, realiya, badiiy tarjima, F.M. Dostoyevskiy, I. G'afurov, rus-o'zbek til aloqalari, lingvokulturologiya, sarlavha.

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА И ЛАКУНЫ В УЗБЕКСКИХ ПЕРЕВОДАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ И. ГАФУРОВА)

Аннотация

В статье разграничиваются понятия безэквивалентной лексики и лакуны применительно к художественному тексту и на материале узбекских переводов романов Ф.М. Достоевского, выполненных И. Гафуровым, выявляются зоны переводческой непереводаемости. Заглавие романа рассматривается как минимальный контекст, в котором лакунарность обнаруживается в чистом виде: сопоставление шести заглавий позволяет выделить четыре типа преобразования – калькирование, функциональную замену, вынужденную экспликацию и конкретизацию. Описаны шесть зон лакунарности и обоснован вывод о том, что у Достоевского лакунарность сосредоточена не в бытовом, а в психологическом и религиозном пластах лексики, то есть затрагивает идейное ядро произведения.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, лакуна, реалия, художественный перевод, Ф.М. Достоевский, И. Гафуров, русско-узбекские языковые связи, лингвокультурология, заглавие.

Перевод русской классики на узбекский язык давно перестал быть только фактом издательской практики: сегодня это самостоятельный объект контрастивной лингвистики и переводоведения. Русско-узбекская пара особенно показательна для такого анализа: языки принадлежат к разным типологическим классам – флективному и агглютинативному – и обслуживают разные культурные традиции, православно-христианскую и мусульманскую, так что каждое переводческое решение принимается здесь дважды: на уровне языковой системы и на уровне культурного кода.

Ф.М. Достоевский принадлежит к тем русским авторам, чьи основные романы полностью существуют по-узбекски. Это результат многолетней работы Иброхима

Гафурова (1937–2026) [1], чей путь к Достоевскому занял около четырёх десятилетий: первое узбекское издание «Преступления и наказания» вышло в конце 1970-х гг. [2], «Братья Карамазовы» – во второй половине 2010-х. Узбекский корпус Достоевского не исчерпывается его работами: «Униженные и оскорблённые» переведены Х. Зиёхоновой, «Записки из Мёртвого дома» – О. Отахоновым. Однако именно переводы Гафурова образуют целостный корпус, редкий для узбекской переводческой практики: наследие И.С. Тургенева представлено фрагментарно, а романы И.А. Гончарова не переводились вовсе.

Цель статьи – разграничить понятия безэквивалентной лексики и лакуны применительно к

художественному тексту и показать, где в романном тексте Достоевского сосредоточены зоны непереводаемости. Материалом послужили заглавия романов в переводах И. Гафурова, доступные фрагменты узбекского текста «Jinoyat va jazo» [3] и лексические доминанты оригинала, устанавливаемые по академическому Полному собранию сочинений [4]; использованы сопоставительный метод, компонентный анализ и лингвокультурологический комментарий. Сплошная выборка по параллельному русско-узбекскому корпусу составляет самостоятельную исследовательскую задачу; настоящая работа задаёт для неё типологическую рамку.

Термин «безэквивалентная лексика» закрепился за единицами исходного языка, не имеющими регулярных словарных соответствий в языке перевода [5]. Л.С. Бархударов относил к ней имена собственные, реалии и так называемые случайные лакуны [6]; реалии в узком смысле – частный случай безэквивалентной лексики, слова, называющие предметы и явления, специфичные для одной культуры [7]. Понятие лакуны описывает то же явление с противоположной стороны: если безэквивалентность – характеристика единицы исходного языка, то лакуна – характеристика системы языка перевода, пустая клетка, которая обнаруживается только при сопоставлении [8]. Отсюда важное следствие: безэквивалентная единица всегда порождает лакуну, но лакуна может существовать и без опоры на конкретное слово – как отсутствие целой понятийной области или как несовпадение способов её членения [9].

Для художественного текста это различие принципиально: переводчик имеет дело с элементом, встроенным в систему образа, и утрата уменьшительного суффикса, чина или конфессиональной коннотации меняет не «точность» перевода, а конфигурацию персонажа. Применительно к художественной прозе целесообразно различать четыре разновидности лакун: предметные (в культуре языка перевода отсутствует сама реальность: аршин, самовар, каторга), языковые (отсутствует формальное средство выражения: грамматический род, вид, уменьшительно-оценочные суффиксы), концептуальные (понятие существует, но структурировано иначе: грех, покаяние, старец, юродивый) и стилистические (отсутствует соответствующий регистр или его маркер: частица «-с», сословная речь). Первые две преодолимы техническими средствами перевода; третья и четвёртая требуют перестройки образа и потому наиболее опасны для художественного целого.

Заглавие – минимальный текст, в котором вся смысловая нагрузка ложится на одно-два слова, и переводческое решение видно здесь в чистом виде: в отличие от решения внутри повествования, оно не может быть компенсировано ближайшим контекстом.

Калькирование представлено заглавием «Jinoyat va jazo». Формально это точное соответствие, однако обе узбекские единицы – арабизмы с религиозно-правовым ореолом: jazo обозначает не только наказание по закону, но и воздаяние в религиозном смысле. Тем самым заглавие получает эсхатологическую перспективу, которая в русском тексте присутствует лишь имплицитно и раскрывается только к эпилогу романа. Калька оказалась не нейтральной: она усилила то, что у Достоевского до поры остаётся подтекстом.

Функциональная замена представлена двумя заглавиями. Русское «идиот» в XIX в. совмещало клинический термин и бранное слово, на чём и держится коллизия романа; узбекское telba – «безумец», «помешанный», слово с фольклорно-поэтическим

ореолом, сближающее героя скорее с юродивым, чем с диагнозом: там, где русский читатель слышит оскорбление, узбекский слышит указание на особый духовный статус. Ещё отчётливее сдвиг в заглавии «Iblislar»: русские «бесы» – множество низших духов, и заглавие прямо отсылает к евангельскому эпизоду о бесах, вошедших в стадо свиней, вынесенному в эпиграф романа, тогда как Иблис в мусульманской традиции – имя собственное единственного павшего ангела, а форма множественного числа есть вынужденная нормализация уникального имени. Перед нами концептуальная лакуна в чистом виде: переводимо слово, но не стоящая за ним картина мира.

Вынужденная экспликация обнаруживается в заглавии «Aka-uka Karamazovlar»: в узбекском нет родового обозначения брата безотносительно к старшинству – есть aka (старший) и uka (младший), а обобщение достигается парным композитом. Русское «братья» нейтрально к возрасту, узбекское заглавие вводит иерархию, которой в оригинале нет, и непроизвольно актуализирует тему первородства – одну из опор романа; экспликация здесь не выбор переводчика, а требование системы языка. Конкретизация представлена заглавиями «Qimorboz» [10] и «Kambag'allar»: русское «игрок» шире узбекского термина, за ним стоит игра как метафора судьбы, а субстантивированное «бедняки» утрачивает опорное для Достоевского слово «люди». Ни одно из четырёх решений не ошибочно; каждое представляет собой вынужденный выбор, перестраивающий читательскую установку.

В романном тексте безэквивалентные единицы распределены неравномерно и группируются в шесть зон: социально-иерархическая номенклатура, религиозно-конфессиональная лексика, бытовые реалии и меры, антропонимия и формы обращения, авторский психологический словарь и грамматически обусловленные лакуны.

Три зоны – социально-иерархическая номенклатура, бытовые реалии и антропонимия – порождают лакуны, в принципе преодолимые техническими средствами, хотя и не бесплатно. Положение Мармеладова строится на том, что он титулярный советник, чиновник девятого класса, для которого падение социально необратимо [4]: описательный перевод сохраняет смысл, но снимает точность позиции в иерархии. Русская шкала имён (Родион Романович – Родя – Родька; Соня – Сонечка) соответствия в узбекском не имеет: отчество не является обязательным элементом именования, а уважительность и близость выражаются постпозитивными элементами aka, ora, хоп, jop. Между тем у Достоевского переход от одной формы имени к другой – основной инструмент передачи динамики отношений, и утрата шкалы означает утрату этой сигнальной системы.

Принципиально иной характер имеют две зоны, определяющие идейное ядро романов. Религиозно-конфессиональная лексика порождает не предметные, а концептуальные лакуны: узбекский язык располагает развитым исламским тезаурусом (ginoḥ «трех», tavba «покаяние», piḡ, shaḡh «духовный наставник»), но каждая подстановка влечёт конфессиональный сдвиг – старец Зосима, переданный через piḡ, оказывается суфийским наставником [11]. Особенно показателен юродивый: это не безумец, не нищий и не дервиш, а специфически православная фигура, чьё поведение санкционировано культурой как форма святости, и ближайшая узбекская аналогия (devona, majzub) переносит образ в суфийский контекст.

Столь же неустрашим авторский психологический словарь. Наиболее показателен надрыв: слово объединяет физическое усилие на разрыв, душевную боль и её демонстративное предъявление и вынесено в заглавие целой книги «Братьев Карамазовых»; такая многослойность прямо связана с полифонической природой слова у Достоевского [12]. Единицы, совмещающей эти компоненты, в узбекском нет: *iztirob* «страдание», *alam* «горечь, обида», *o'kinch* «сокрушение» передают лишь часть значения. Сюда же примыкают грамматически обусловленные лакуны: уменьшительно-оценочные суффиксы несут не размерное, а оценочное значение – ср. реплику Раскольникова «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку!» [4], где самооправдание держится на суффиксе -онк-, переводящем убитого человека в разряд ничтожного; узбекские аналитические средства (*kichkina*, суффикс -cha) передают уменьшительность, но не оценку.

Характер описанных преобразований удобно показать на одном фрагменте. В первой части «Преступления и наказания» Мармеладов формулирует различие, на котором строится вся его исповедь: «Бедность не порок, это истина... Но нищета, милостивый государь, нищета – порок-с. В бедности вы ещё сохраняете своё благородство врождённых чувств, в нищете же никогда и никто» [4]. В узбекском переводе И. Гафурова этому соответствует: «Kambag'allik ayb emas, biroq yo'qchilik – illat» [3].

Сопоставление обнаруживает три сдвига. Оппозиция «бедность – нищета» сохранена и передана парой *kambag'allik* – *yo'qchilik*, где второй член образован от *yo'q* «нет» и обозначает буквально отсутствие, полное лишение: грация, ради которой Мармеладов и произносит свою реплику, воспроизведена точно. Русское «порок», повторённое в оригинале дважды, передано двумя разными единицами – *ayb* «вина, изъясн» и *illat*, арабизмом, совмещающим значения «изъясн», «недуг» и «первопричина»: лексический повтор заменён вариацией, но взамен появляется семантика болезни, отсутствующая в оригинале. Наконец, «благородство врождённых чувств» передано как *tug'ma olijanob fazilatlar*, «врождённые благородные качества»: эмоциональная категория переведена этической. Все три сдвига однонаправлены – узбекский текст тяготеет к моральной терминологизации там, где оригинал остаётся в области переживания. Это не погрешность переводчика, а результат работы языковой системы, абстрактная лексика которой в значительной мере сформирована арабо-персидским пластом с его юридино-религиозной семантикой.

Инвентарь переводческих приёмов для безэквивалентной лексики описан в теории перевода достаточно полно [7; 13]; в узбекском переводоведении он разработан в трудах Г. Саломова [14], К. Мусаева [15] и самого И. Гафурова [16]. Существование, однако, не перечисление приёмов, а то, что каждый имеет свою цену: транскрипция сохраняет колорит, но затрудняет чтение; калькирование удерживает внутреннюю форму, теряя нейтральность; функциональный аналог даёт понятность ценой культурного сдвига; описательный перевод передаёт понятие, лишая реплику экспрессии; комментарий совмещает точность и колорит, выводя читателя из текста; опущение сохраняет плавность, снимая стилистический слой. Универсального решения не существует: выбор определяется функцией единицы в тексте – для фоновой реалии оправданна генерализация, для реалии с характерологической нагрузкой транскрипция с комментарием, для концептуальной лакуны контекстуальная компенсация, распределённая по всему тексту. Последняя стратегия наиболее трудна, поскольку требует удерживать образ целиком, а не пословно.

Таким образом, разграничение безэквивалентной лексики и лакуны продуктивно для анализа художественного перевода: первое понятие описывает единицу исходного текста, второе – состояние системы языка перевода. Для романов Достоевского целесообразно различать предметные, языковые, концептуальные и стилистические лакуны.

Заглавие романа – минимальный контекст, в котором лакунарность проявляется в чистом виде: сопоставление шести узбекских заглавий позволяет выделить четыре типа преобразования – калькирование (*Jinoyat va jazo*), функциональную замену (*Telba, Iblislar*), вынужденную экспликацию (*Aka-uka Karamazovlar*) и конкретизацию (*Qimorboz, Kambag'allar*).

В романном тексте безэквивалентные единицы группируются в шесть зон, из которых три преодолёмы техническими средствами перевода, а две – религиозно-конфессиональная лексика и авторский психологический словарь – затрагивают идейное ядро произведения: потери здесь не компенсируются комментарием и требуют сквозных решений на уровне всего текста.

Перспективу исследования составляет создание параллельного русско-узбекского корпуса переводов Достоевского и построение на его основе учебного лингвокультурологического глоссария, необходимого при подготовке филологов по направлениям «Русский язык в иноязычных группах» и «Родной язык и литература: русский язык и литература».

ЛИТЕРАТУРА

1. Скончался Ибрагим Гафуров, писатель и переводчик // *Gazeta.uz*. – 06.06.2026. – URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2026/06/06/ibragim-gafurov/>
2. Dostoyevskiy F. *Jinoyat va jazo / rus tilidan I. G'afurov tarjimasi*. – Toshkent: Ilm-Ziyo-Zakovat, 2021. – 720 b.
3. Dostoyevskiy F. *Jinoyat va jazo / tarjimon I. G'afurov* // O'zbekiston Respublikasi FA Asosiy kutubxonasi. – 27.03.2021. – URL: <http://library.academy.uz/2021/03/27/fyodor-dostoevsky-jinoyat-va-jazo/>
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6: Преступление и наказание. – Л.: Наука, 1973.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Три лингвострановедческие концепции. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
6. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
7. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – 5-е изд. – М.: Р.Валент, 2012. – 406 с.
8. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 144 с.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. – 314 с.
10. Dostoyevskiy F. *Qimorboz / I. G'afurov tarjimasi*. – Toshkent: Yangi asr avlodi, 2023. – 336 b.
11. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14–15: Братья Карамазовы. – Л.: Наука, 1976.
12. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – 4-е изд. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
13. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Р.Валент, 2011. – 408 с.
14. Salomov G'. *Tarjima nazariyasiga kirish*. – Toshkent, 1978.
15. Musayev Q. *Tarjima nazariyasi asoslari: darslik*. – Toshkent: Fan, 2005. – 352 b.
16. G'afurov I., Mo'minov O., Qambarov N. *Tarjima nazariyasi: o'quv qo'llanma*. – Toshkent: Tafakkur bo'stoni, 2012. – 216 b.